

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пермский государственный архив новой истории (ПермГАНИ).
- Ф. 1. Оп. 45. Д. 476. Л. 222, 225, 227.
2. Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 602. Л. 168.
3. Там же. Ф. 105. Оп. 12. Д. 414. Л. 8.
4. Там же. Ф. 105. Оп. 12. Д. 62. Л. 5.
5. Там же. Ф. 105. Оп. 13. Д. 516. Л. 142.
6. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 21. Л. 10.
7. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 23. Л. 9.
8. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 492. Л. 63 об.
9. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 504. Л. 103-106.
10. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 507. Л. 16.
11. Там же. Ф. 105. Оп. 16. Д. 370. Л. 133.
12. Там же. Ф. 105. Оп. 16. Д. 506. Л. 1 об.
13. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 28. Л. 63, 65.
14. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 328. Л. 254.
15. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 333. Л. 6.
16. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 345. Л. 32.
17. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2522. Л. 132, 134, 138.
18. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2523. Л. 101.
19. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2885. Л. 18, 19.
20. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2890. Л. 21.
21. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2891. Л. 23.
22. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3005. Л. 206.
23. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 90. Л. 8.
24. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 91. Л. 36.
25. ГАПК. Ф. р. 1117. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
26. Там же. Ф. р. 1117. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.
27. Там же. Ф. р. 1275. Оп. 1. Д. 123. Л. 27.
28. Там же. Ф. р. 180. Оп. 12. Д. 248. Л. 11.
29. Там же. Ф. р. 180. Оп. 12. Д. 98. Л. 9.

ЛИТЕРАТУРА

30. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. М.: РОССПЭН,

2001. 303 с. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество — политика и повседневность. 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с.; Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945-1991 / Р.Г. Пихоя. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 684 с.

31. О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского // Партийное строительство. 1945. №13-14.
32. Осьмаков И.О. Всесоюзное совещание ведущих кафедр марксизма-ленинизма и философии высших учебных заведений / И.О. Осьмаков // Вопросы философии. 1949. №1.

O. Malygina

THE PARTY SUPERVISION OVER TEACHING OF THE SOCIAL SCIENCES DURING THE FIRST POST-WAR PERIOD (BASED ON THE MATERIALS OF INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION IN MOLOTOV)

Abstract. This article deals with the problems of the party supervision over teaching of the social sciences in the institutes of higher education in Molotov city. The first post-war period is studied in the article. The party supervision is presented from a position of fulfillment of resolutions of the Central Committee of the all-USSR Communist Party and of the implementation of the decisions of the regional authorities by the institute's intelligentsia.

Key words: the Marx-Lenin theory, the total supervision/control, the ideologically political upbringing of the institute's intelligentsia, the ideological level of teaching, the ideological purges.

УДК 93/94

Рыбалка О.В.

**ДНД - ВОСПИТАТЕЛЬ «НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»
(НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ДРУЖИН НОВГОРОДА И ОБЛАСТИ)***

Аннотация. В статье рассматривается деятельность добровольных народных дружин по охране общественного порядка (далее ДНД) Новгорода и области по воспитанию «нового советского человека». Характеризуются наиболее общие черты этого искусственно создаваемого типа личности. Обращается особое внимание на анализ часто применявшихся народными дружинами форм и практик работы с населением.

Ключевые слова: добровольные народные дружины, Новгород, «новый советский человек», СССР, охрана общественного порядка, воспитание, убеждение, принуждение.

Культивируемый в СССР в начале 1960-х гг. государственный курс на строительство «общенародного государства» в идеологическом плане был дополнен идеей воспитания «нового советского человека» и вместе с ним

* © Рыбалка О.В.

всего общества в целом. Это теоретическое положение было официально закреплено в тексте Третьей Программы КПСС и утверждено XXII Съездом партии. В соответствии с этим задачи по практическому осуществлению выдвинутых властью идей были возложены как на партийно-государственные структуры, так и на советскую общественность, в частности на ДНД.

В Новгороде и области народные дружины в соответствии с законодательными документами, регламентирующими их деятельность, и постановлениями местных партийных и советских органов власти, также обязывались вести среди новгородцев воспитательно-профилактическую работу по созданию методами общественного воздействия образа новой советской личности, «идейноубежденной, гармонически развитой, духовно богатой, строящей жизнь по законам социальной справедливости, разума, добра и красоты» [5, 95]. Это намеренье власти предусматривало также окончательное уничтожение преступности как социального явления, поскольку господствовало формальное представление о том, что объективных причин для появления преступности в советском обществе не существовало, а само явление противоправных действий связывалось в соответствии с «коммунистическими идеалами» исключительно с «пережитками капитализма» в сознании некоторой части населения [6, 119, 122].

Именно с этой целью в процесс формирования «нового советского человека» были включены ДНД Новгорода по охране общественного порядка и их специализированные подразделения. Вот что по этому поводу отмечалось в материалах областного слета дружинников и председателей товарищеских судов Новгорода 25 июня 1963 г.: «Формирование нового человека — очень трудный процесс. Он требует времени, большой многогранной творческой работы не только государственных органов, но и партийных, и общественных организаций. Как нигде здесь особенно нужны усилия всех людей, каждой семьи, каждого члена нашего общества. Эта задача может быть решена, если за нее возьмется вся советская общественность, возьмутся миллионы коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза, если каждый гражданин будет чувствовать себя, по образному выражению Никиты Сергеевича Хрущева, милиционером, то есть человеком, стоящим на страже общественного порядка, народного богатства» [2. Оп. 20. Д. 21. Л. 102].

Само участие населения в воспитании «нового советского человека» посредством деятельности в народных дружинах рассматривалось властью как акт одобрения им инициатив и идеологии государства, принятия положения о том, что коллективизм как социалистическая категория включает в себя в соответствии с коммунистической моралью интересы и потребности отдельной личности, и, следовательно, этот самый коллектив имеет все основания осудить человека за те действия, которые кажутся обществу неверными, привить ему понятия ответственности перед обществом и государством.

Что касается методов, применяемых народными дружинами Новгорода в деле «воспитания новой советской личности», то они представляли собой набор самых распространенных практик, связанных с реализацией задач по профилактике правонарушений среди граждан путем применения мер «убеждения и принуждения», использование которых активно пропагандировалось советскими руководителями. Достичь этого предполагалось, например, путем проведения лекций, бесед на правовые темы среди трудовых коллективов организаций и предприятий города и области. Основное содержание такого рода профилактических мероприятий сводилось к разъяснению негативных последствий пьянства, алкоголизма, хулиганских и другого рода противоправных проявлений. На практике же это направление в деятельности ДНД реализовывалось достаточно слабо. По причине того, что, во-первых, не было создано достаточной мотивации ни для самих дружинников, которые в свое личное время обязывались проводить профилактические мероприятия, ни для граждан, принудительно вынуждаемых присутствовать на такого рода лекциях.

Во-вторых, массовый характер проводимых бесед не способствовал качественно донесению необходимой информации до целевой аудитории. Кроме того, применение в воспитательно-профилактической работе общих мероприятий слабо учитывало особенности коллектива и конкретную обстановку на предприятии или организации. В-третьих, на такого рода мероприятиях в меньшей степени присутствовали те лица, для которых эта тематика была предназначена, то есть алкоголики, хулиганы, дебоширы. Как правило, они достаточно умело избегали общественного давления, являясь маловосприимчивыми к данной форме увещевания.

В-четвертых, компетентность самих

выступающих в освещаемых ими вопросах и умение донести в доступной форме необходимую информацию зачастую не соответствовали потребностям аудитории, не вызывали интереса и, следовательно, были малопродуктивны. Кроме того, в лекциях доминировал формализм, уход от решения возникших острых вопросов, обусловленных действительностью, пафосность и большое количество идеологических штампов. Таким образом, слушавшие постепенно дистанцировались от этого официозного языка, переставали его воспринимать как объективную истину. И, наконец, в-пятых, профилактические мероприятия такого типа проводились в организациях и предприятиях города и области крайне эпизодически, не имели взаимосвязи между собой и превращались из предупредительных мер в обычные — просветительские, мало применимые на практике.

Наряду с проведением лекций и бесед, ДНД в практике воспитания «нового советского человека» применяли метод патрулирования по улицам Новгорода и проведения совместных с милицией рейдов. Цель таких мероприятий сводилась к выявлению и задержанию правонарушителей, приводу их в штаб ДНД и оформлению на них протокола, а также передачи данных лиц в руки милиции с последующим направлением сообщения по месту работы, для принятия мер «общественного воздействия и морального осуждения». Большинство из них, однако, оставалось без рассмотрения и приводило, соответственно, к повторным нарушениям [1. Оп. 27. Д. 28. Л. 6]. Это отчасти было связано с тем, что воспитательно-профилактическая деятельность народных дружин на своих предприятиях и организациях в основном сводилась только к дежурству в дни выдачи заработной платы и периодическим «выходам на патрулирование» [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 4], для которых была характерна минимальная явка членов ДНД Новгорода. Так, из изученных источников следует, что, например за 1963 г. даже народные дружины такого крупного предприятия, как п/я 11, «не прислали на патрулирование «11, 14 апреля и 9 мая» своих дружинников, похожая ситуация наблюдалась и на Новгородских рыбкомбинате, пивзаводе, горпромкомбинате и других организациях города» [1. Оп. 46. Д. 36. Л. 6]. Это были не единичные случаи, а обыденная практика работы ДНД города. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что зачастую конкретных задач перед дружинниками в ходе их патрулирования не ставилось, не проводи-

лось также по их результатам анализа и разбора положительных и отрицательных сторон их деятельности. Так, например, 15 августа 1983 г. участковый инспектор микрорайона № 6 Г. В. Бовин «не смог провести разбор дежурства, так как дружинники ушли с дежурства домой» [1. Оп. 27. Д. 28. Л. 32 - 33].

Следует также отметить, что в ходе патрулирования по улицам Новгорода народные дружины обязывались обращать внимание не только на явные противоправные действия граждан, но и на такое поведение человека, которое, хотя и не нарушало непосредственно законы, правопорядок, но тем не менее «явно противоречило правилам «социалистического образа жизни» и могло в дальнейшем перерасти в преступление». Такая размытость формулировки давала возможность дружинникам в ходе патрулирования и рейдов расширять рамки контролируемого ими поведения граждан, что выходило далеко за пределы кодифицированных уголовных и административных преступлений. По сути дела, ДНД, наделенные крупницей власти и чувствующие приближенность к ней и в некоторой степени безнаказанность, могли одернуть и задержать человека за то, что он был пьян, неряшливо одет или даже за то, что он просто «не понравился» людям с красными повязками. И это несмотря на то, что внешнему виду самих дружинников уделялось мало внимания. Так, зачастую атрибуты ДНД: удостоверение дружинника, нагрудный знак и нарукавная повязка у граждан, исполняющих обязанность по охране общественного порядка, отсутствовали. Вот что по этому поводу было отмечено в докладе заместителя управляющего треста № 43 «Новгородхимстрой» Г.П. Волкова: «И еще, часто дружинники не имеют документов. У нас, например, одна четвертая часть имеет документы. Хотелся спросить у горисполкома: неужели на протяжении двух лет он не может изготовить для дружинников удостоверения?» [4. Оп. 10. Д. 1463. Л. 5].

Именно размытость правовых формулировок и повсеместное отсутствие внешней атрибутики своего статуса позволяло дружинникам успешно использовать свое положение, не только не являясь примером для других граждан, но и негативным образцом использования своего должностного положения. Таким образом, патрулирование как метод, применяемый народными дружинами Новгорода для создания «нового советского типа личности», на практике был слабо реализуем и использовался, прежде всего, как способ принуждения к «правильному поведению»,

а не воспитания у граждан сознательного желания к этому. Сами же дружинники выступали, прежде всего, в качестве вспомогательного звена для правоохранительных органов, выполняя не профилактические, а карательные меры в отношении нарушителей.

Пассивность же дружинников в осуществлении воспитательных мероприятий в рамках коллективов своих предприятий и организаций объясняется, во-первых, незнанием ими, например, антиалкогольного законодательства, форм и методов работы народных дружин [2. Оп. 17. Д. 87. Л. 40]. Так, на подавляющем большинстве предприятий и организаций Новгорода «занятий с дружинниками не проводилось, разъяснительная работа на правовые темы не велась» [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 9]. Многими членами народных дружин не изучались Положения о ДНД, Памятка дружинников, действовавшие постановления местных органов власти в сфере охраны общественного порядка. Таким образом, крайне слабая подготовка народных дружинников в этом важном для них вопросе делали все усилия ДНД тщетными и даже опасными для самого общества. Ситуация не изменилась и после того, как для дружинников в Новгороде был организован лекторий о социалистической законности и о практике работы ДНД [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 20], а в опорные пункты охраны правопорядка (ОПОП) была направлена разработанная Управлением внутренних дел (УВД) «Памятка-инструктаж дружинника» [1. Оп. 32. Д. 58. Л. 26].

Во-вторых, организационно на многих предприятиях ДНД были вообще не оформлены или функционировали формально, не имея ни списков дружинников, ни графика работы внутри своего предприятия [1. Оп. 34. Д. 74. Л. 18]. Помимо этого, помещения многих штабов народных дружин были маленькие, не оборудованные, поэтому в них было очень трудно проводить какую-либо воспитательную работу с отдельными лицами [1. Оп. 29. Д. 42. Л. 8]. Так, штаб ДНД Ленинградского микрорайона находился в жилищно-коммунальном отделе (ЖКО) завода «Волна». Помещение имело только одну комнату, где одновременно проводился развод дружин, разбор нарушений общественного порядка, беседа с подростками, прием граждан участковым инспектором и решение других вопросов [2. Оп. 9. Д. 946. Л. 24]. Данная ситуация наблюдалась и на уровне городского штаба ДНД, который был «расположен в здании Октябрьского районного отдела милиции в комнате площадью 10 квадратных метров».

Проблему с ним предполагалось решить на сессии горисполкома 4 сентября 1975 г., по результатам которой было предписано предоставить штабу в ноябре того же года помещение из трех комнат и методического кабинета», но это так и не было выполнено [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 23].

В-третьих, в некоторых организациях и предприятиях дружины были малочисленными, никакого авторитета и влияния среди населения и своих товарищей по работе не имели [2. Оп. 24. Д. 71. Л. 28]. Следствием этого было то, что на большинстве предприятий и организаций Новгорода не было создано каких-либо объективных условий для перевоспитания правонарушителей мерами общественного воздействия посредством ДНД [1. Оп. 31. Д. 24. Л. 14].

Популярным методом воспитания, используемым ДНД, была также наглядная агитация, различного рода сатирические витрины такого типа – «Нет ли среди них ваших знакомых?», «Крокодил идет по городу!» и т.д. Именно под такими заголовками вывешивались фотографии алкоголиков, хулиганов, спекулянтов, предназначенные для «всеобщего порицания». Кроме того, массово выпускались и молнии тревоги – «Пьянице не место в коллективе», «Трезвость-норма жизни» и т.д. [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 23]. Несмотря на свою растиражированность, эффективность такой агитации была минимальна, связано это было с тем, что она была маловыразительна, шаблонна и не ориентировала граждан на борьбу с пьянством, алкоголизмом и другими противоправными действиями [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 15]. Вместо этого пропагандируемые лозунги, связанные с укреплением правопорядка, стимулировали появление мнимой активности и псевдообязательств. Так, в стенограмме собрания актива Новгородской областной партийной организации от 25 августа 1966 г. приведен такой пример: «Греха таить нечего, кое-где у нас еще не перевелись любители пошуметь по поводу укрепления общественного порядка. В прошлом году, например, в Старой Руссе коллектив медико-инструментального завода выступил с инициативой «Жить и работать без правонарушений». Инициативу одобрило Бюро Старорусского горкома КПСС, а у инициаторов слова разошлись с делом. На заводе много нарушителей дисциплины» [3. Оп. 24. Д. 71. Л. 28]. Похожая ситуация сложилась и с «почином» завода «Ленинского комсомола» - «О борьбе коллектива завода за право называться предприятием высокопроизвод-

твенного труда и образцового общественного порядка» [1. Оп. 31. Д. 24. Л.14]. Ни одно из взятых на себя обязательств им не было реализовано на практике.

Таким образом, стремление власти воспитать «новых советских людей» и ликвидировать преступность как социальное явление, в условиях использования псевдогражданских институтов, таких, как ДНД, показало свою несостоятельность. Иллюзорность и отсутствие четкого представления о содержании понятия «коммунистического типа личности» и способов его воспитания в сознании граждан, позволяли дружинникам самим трактовать эти идеологические конструкции с учетом собственных интересов и потребностей. Такое «вольное право» членов ДНД давало им возможность относительно других граждан осознавать свою приближенность к власти, которая с ними якобы отождествлялась, и требовать, с учетом этого обстоятельства, послушания по отношению к ним и их намерениям исключительно по этой причине. Пропагандируемый тезис о том, что «главное в работе ДНД-профилактика и предупреждение» оказался очередной советской фикцией, на практике сменяемый преобладанием карательных мер к лицам, действия которых по тем или иным причинам не укладывались в

придуманные и растиражированные властью рамки советского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 22.
2. ГАНИНО. Ф. 260.
3. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. Р.- 248.
4. ГАО. Ф. Р. – 3686.
5. Коммунистическое воспитание. Словарь. М., 1984.
6. Программа КПСС. М., 1977.

O. Rybalka

VPOS – EDUCATOR OF «THE NEW SOVIET PERSON» (FOR EXAMPLE NOVGOROD AND REGION)

Abstract. This article discusses activity of volunteer public order squad (VPOS) protection of a public order Novgorod and area on education of «the new Soviet person». The article characterizes most is artificial created type of the person. The assessments on the analysis often forms applied by national teams and an expert of job with the population.

Key words: volunteer public order squad, Novgorod, «new Soviet person», USSR, protection of a public order, upbringing, persuasion, compulsion.

УДК 930

Климантова Ю.К.

ТОРГОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В 1970-1980 гг. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Аннотация. Торговое обслуживание сельских жителей является отраслью социальной сферы села. В 1970-80 гг. в Оренбуржье торговля продовольственными и промышленными товарами находилась на низком уровне. Однако потребительской кооперации не удалось покончить с перебоями в продаже товаров достаточного ассортимента, оперативно устранить ошибки в планировании товарных фондов, слабо изучался спрос населения.

Ключевые слова: торговое обслуживание, сельская местность, неудовлетворительное снабжение товарами, нарушение правил торговли.

Во второй половине XX в. в социально-экономической сфере села происходили серьезные изменения. В рамках плановой социалистической системы хозяйствования, основанной на государственном регулировании, развитие социальной сферы села являлось неотъемлемой частью проводимой аграрной политики. Это предполагало создание необходимых условий для жизнеобеспечения сельского населения, реализацию комплекса мер по расширению в сельской местности сети учреждений здравоохранения, торговли, бытового обслуживания, культуры и образования, и, соответственно, по улучшению организации и развитию медицинского, торгового, бытового, культурного обслуживания сельских жителей.

* © Климантова Ю.К.